

Marian Broda

Uniwersytet Łódzki
Wydział Studiów Politologicznych
Katedra Europy Środkowej i Wschodniej
90-131 Łódź
ul. Narutowicza 59a

Интеллигенция как «душа России». Парадоксы и проблемы русского окцидентализма

Наиболее распространенная, укоренившаяся и наиболее часто приводимая временная схема делит историю России на два основных периода: допетровский и послепетровский. С самого начала ее сопровождает чувство важности подобным образом понимаемых и оцениваемых петровских реформ, символа европеизационных изменений в стране – рассматриваемых как обязанность их продолжения и дополнения, призыв к сопротивлению процессам, которым они дали начало, и противодействию принесенным ими результатам или как объект интенционально непредубежденного размышления, который еще только должен определить позицию по отношению к ним. Одним из последствий петровских и послепетровских преобразований было в особенности возникновение и формирование русской интеллигенции, воспринимаемой в России – и самовоспринимающейся – как интеллектуальная, культурная, политическая и социальная, но также как этическая, идеологическая, историсофская и даже квазисакральная категория¹.

Когда полуевропеизированная Россия утратила свое социально-культурное единство, русские просвещенные круги оказались в положении – уже внутреннего в то время для них – разлома между отечественной древнерусской традицией и ценностями и нормами европейской цивилизации². Основной чертой самосознания послепетровской России с самого начала оставалась ощутимая ею социально-культурная неидентичность, внутренний разрыв, отсутствие – и попытки окончательного обретения или достижения

¹ Cp.: A. Walicki, *Zarys myśli rosyjskiej. Od oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego*, Kraków 2005, s. 16–17; J. Dobieszewski, „Zewnętrzność” w rosyjskiej filozofii historii, [w:] *Wokół słowianofilstwa*, ред. J. Dobieszewski, Warszawa 1998, s. 53.

² Cp.: M. Broda, „Zrozumieć Rosję”? *O rosyjskiej zagadce-tajemnicy*, Łódź 2011, s. 95–99.

– собственной идентичности. Поскольку освященные традицией идеологические, политические и культурные устремления русской интеллигенции во многих случаях определяются финалистски и максималистски понимаемой идеей положительного синтеза отечественных и западных ценностей, русских и общечеловеческих, исторический опыт, как представляется, ставит перед ней проблему возможности избежания реальности отрицательного синтеза. Ибо родина Достоевского уже не однажды проходила разочарование очередными проектами перестройки родной почвы по западным образцам, в результате которых, вместо желанной «Евроазии», в ней возникала скорее – усиленная к тому же в своем восприятии типичной для русской ментальности и культуры бинарностью оценок и позиций³ – карикатурная «Азиопа»⁴.

Русские на самом деле уже не уверены (не очень могут быть уверены), являются ли они и хотят ли они быть частью Европы или ее альтернативой. Проблема в том, что культура и самосознание послепетровской России – столь же неслучайным и естественным образом – порождают оба направления ожиданий и устремлений, что определяет существенную половинчатость одного и другого, всякий раз приводя в действие контртенденции и блокирующие механизмы. Вследствие этого русские, желая наконец-то выйти из ситуации, переживаемой как отсутствие идентичности, двойственность или внутренний разлом⁵, вновь и вновь воспроизводят существующее положение и в то же время декретируют его «временность». Упорное незамечание или игнорирование вышеизложенных фактов, обусловленностей и обстоятельств издавна ведет к проявлениям откровенно ложного сознания, согласно которому перед родиной Достоевского якобы стоит – как раз в переживаемый период – вопрос окончательного выбора «исконно русского» или «чисто европейского» пути будущего или этот выбор уже окончательно сделан, финально определив судьбу России⁶.

Пытаясь объяснить указанную ситуацию и механизмы, приводящие к ее самовоспроизведению, следует избегать каких бы то ни было простых, однофакторных или вообще редуccionистских толкований. Памятуя о вышеизложенном, хочу обратить внимание на один избранный аспект рассматриваемого вопроса, связанный с дихотомизирующим характером тех окциденталистских теоретических конструкций, создатели которых – русские интеллигенты – желают объяснять Россию в радикальном противопоставлении Европе. Я хочу показать, что в мышлении значимых представителей

³ Ср.: Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2001, с. 141–148.

⁴ Ср.: А. Кара-Мурза, *Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре*, [в:] А. Кара-Мурза, Л. Поляков, *Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии*, Санкт-Петербург 1999, с. 366–368.

⁵ Ср.: J. Dobieszewski, *Przeciwieństwo między Rosją a Europą jako teoria*, «Studia Filozoficzne» 1968, № 8 (249), с. 31–38.

⁶ Ср.: М. Брода, *Русские вопросы о России*, Москва 2005, с. 90–94, 101–106, 176–180, 291.

современной русской интеллигенции, которым близок подобный образ восприятия, концептуализации и проблематизации мира, например, Юрия Афанасьева и сотрудничающих с ним Алексея Давыдова и Андрея Пилипенко, а отчасти также Лилии Шевцовой и Владимира Кантора, можно – столь же парадоксально, как и симптоматично – найти целую группу основных свойств, типичных для русской ментально-культурной системы, извечно определяющих облик русской истории и современности.

К ним принадлежат, в частности, онтологизированный бинаризм, ведущий к своеобразному манихейству и исключаящий мышление в категориях «срединной культуры»; проявления «мистического реализма», заметные в рассмотрении русского прошлого как своеобразной сверхреальности, не только формирующей русскую действительность, но и содержательно определяющей полярно противопоставленную предыдущей форму якобы единственной ее гражданской, демократической альтернативы; тоска по «инверсии» (вместе с элементами веры в ее реальность и действенность) – по превращению, именно в стадии максимального усиления, негативов в их противоположность; способ понимания истины – и связанной с вышеизложенным миссии русской интеллигенции, объединяющий с ней существенным образом *sacrum*, силу, правду, право, способность оживления, возрождения и преобразования «мертвой» действительности; своеобразный «эсхатологический максимализм» в квазиармагеддоническом видении скорого окончательного решения (драматичного конца или фундаментального положительного изменения) русской истории⁷.

Отыскивая свою – отмеченную разломом и переживаемую в качестве подвергающейся опасности – идентичность, русские мыслители охотно стремились к представлению и обоснованию такой концептуализации и оценки действительности, чтобы социальная периферичность и бессилие интеллигенции могли уже в ближайшем будущем превратиться в центральность и силу, способные совершить принципиальное общенародное преобразование своей страны.

Указанным тенденциям очень способствовало, одновременно их конкретизируя определенным образом, сильно укоренившееся и распространенное в традиции и сознании русских, присутствующее в архаических мыслительных структурах многих народов понимание своей страны и самих себя в категориях «мировой души». Русскость воспринималась в таком случае как контакт со священной реальностью, а эксклюзивной способностью и посланничеством «русской души» и России-«мировой души» становилось, по убеждению многих соотечественников Достоевского, посредничество между различными идеями и ценностями, открытие универсальной перспективы,

⁷ Ср.: М. Broda, *Mentalność, tradycja i bolszewicko-komunistyczne doświadczenie Rosji*, Łódź 2007, с. 25–28, 66–69, 86–88.

делающей возможным окончательное согласование противоположностей, достижение единства и полноты. Роль, которую на микрокосмическом уровне играет душа, когда, преваляруя над другими составляющими человеческого существования, оживляет, объединяет и преображает антропологическое целое, на макрокосмическом уровне отводилась России, поскольку та, реализуя свою потенциальность, становится «мировой душой»⁸. Аналогичное соотношение в сознании многих русских воспроизводится внутри государства и российской империи. Стоящая над профанными обусловленностями, ограничениями и противоречиями, объединяющая, несущая истину, проявляющая мощь, устанавливающая порядок, оживляющая, распространяющаяся на общественное целое и т.д. «душа России» становится в таком случае (так воспринимается, понимается и легитимизируется) центральной властью, реальной (пока кажется, что обладает подобными способностями) или потенциальной (если есть вера в то, что она эти еще нереализованные способности имеет и сможет их проявить)⁹.

В ситуации, когда господствующая власть и санкционированная ею общественно-политическая система радикально отличается от европеизационных замыслов русской интеллигенции, противоречит им и, как представляется, ведет страну в противоположном направлении, роль несущей Истину, осуществляющей «руководство душами», а потенциально также власть «души России» пытается сыграть, веря в ее реальность, именно эта интеллигенция. Каждая из очередных формул-конкретизаций таким образом понимаемой интеллигентской идеи предполагает – не только как условие, но и как неотрывный элемент самореализации – субъектную силу фундаментального преобразования природы действительности, ее «обожения» или квазибожественного идеологического изменения и т. п., выведения общества за пределы прежних ограничений, детерминаций, противоречий и партикуляризов, придания общественному миру единства, гармонии и полноты. Лишь тогда замыслы и результаты предпринимаемых действий могли бы согласоваться между собой, а реализация и распространение этой идеи не сопровождалась бы неизбежными в известном из опыта «непреображенном» мире самоотрицающими механизмами: исчерпанием сил, односторонностью развития, усилением центробежных факторов, вызывающей сопротивление инструментальностью отношения к другим сообществам или социальным группам и т.п.

Пытаясь лучше осознать и полнее объяснить субъектные предпосылки подобных замыслов и веры русской интеллигенции в возможность их осуществления, следует помнить, какие богатые смыслы и ожидания извечно связаны у русских со словом «правда». Оно имеет двойственное значение,

⁸ Ср.: М. Broda, *Rosja i rosyjskość w kategoriach „duszy”*. *Archetypowe treści, ambiwalencje, paradoksy i wyzwania*, «Przegląd Filozoficzno-Literacki. Kwartalnik» 2010, № 4 (29), с. 551–564.

⁹ Ср.: М. Broda, *Ziemski Bóg. O rosyjskim pojmowaniu władzy*, [В:] *Bóg Wschodu i Zachodu*, ред. М. Gwarny, I. Perkowska, Wrocław 2012, с. 234–238.

охватывающее и объединяющее между собой онтологический и нравственный аспекты: «истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое»¹⁰. Собственно говоря, понимаемая «по-русски» правда является, таким образом, одновременно правдой мышления-переживания и правдой действия, правдой морально-интеллектуальных доводов и правдой силы-эффективности вытекающего из нее действия. Не случайно поэтому:

Русский мыслитель [...] всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, но стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись¹¹ –

– даже если первичные религиозные смыслы и связанные с ними возможности действия, ожидания и надежды неоднократно подвергались разнообразным формам идеологического камуфляжа и мистификации.

Идеалу Правды, включающему в себя «Правду-истину, Правду-справедливость, Правду-силу, понимание Правды как высшей ценности жизни»¹², в то же время противопоставляется столь же многоаспектное понятие Кривды, объединяющее между собой ложь, несправедливость, обман и зло.

Проникая все поры русской культуры, манихейский сюжет вечного спора Правды и Кривды получает космогенический смысл¹³.

Связанное с первой стремление к земному царству Правды – общественной жизни, свободной от всяких искажений, – имеет свое полярное соответствие в Царстве Кривды, наполненном грязью, злом и ложью¹⁴. В ситуации, когда понимание слов сливается воедино с чувством участия в высшей, истинной, сверхпрофанной Реальности, эти слова – и знание (правда), которое они высказывают, – понимаются как реальные передатчики энергии (мощи, силы и действенности), происходящей из сферы *sacrum*¹⁵. Вследствие вышеизложенного, правдивое слово – это слово по крайней мере потенциально материализованное, воплощенное, исполненное и увековеченное, ориентированное на единство с соответствующим ему – ибо им сформированным – окружением.

¹⁰ Н. К. Михайловский, *Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1913, т. 10, с. 117–118.

¹¹ S. Frank, *Istota i wiodące motywy filozofii rosyjskiej*, [в:] *Niemarksistowska filozofia rosyjska*, ч. 1, ред. L. Kiejzik, Łódź 2001, с. 35.

¹² А. Ахизер, А. Давыдов, М. Шуровский, И. Яковенко, *Социокультурные основания и смысл большевизма*, Новосибирск 2002, с. 386.

¹³ Там же.

¹⁴ Ср.: А. Ахизер, А. Давыдов, М. Шуровский, И. Яковенко, *Социокультурные основания...*, с. 386–387.

¹⁵ Ср.: там же, с. 180.

Власть и правда в таком случае взаимно предполагаются: выражать правду в то же время означает – по крайней мере потенциально – осуществлять власть, быть действенным, демонстрировать способность к созиданию, формированию и поддержанию порядка «нашего мира», творению общественного устройства и его легитимации. С пониманием как правды, так и власти совершенно естественным образом связаны содержательно родственные тотальности-интуиции ожиданий, объединяющие между собой *sacrum-profanium*, силу-власть, бытие-правду, порядок-идентичность и правомочность-легитимацию. Переживание правды предполагает и имплицитно момент регенерирующего, победного преобразования и воссоздающего идентичность, онтологически понимаемого возвращения к себе. Правда понимается не как совпадение представления и действительности, а как обретение истинного бытия, триумф правды и жизни в правде – «истинное бытие».

В допетровской России стражем Божьей Правды был Царь, в послепетровской, утрачивая свое трансцендентное измерение, она со временем приобрела характер великодержавной Правды. Как указывает Михаил Черников,

*Истина отождествляется с государством, а Правда становится голосом так понимаемой Истины*¹⁶.

Критики власти и господствующего общественного порядка воспринимали ее как Неправду. Разоблачение «ложной правды» становилось для русских интеллигентских радикалов борьбой за «истинную Правду». Дихотомизация видения будущего находила свои основания в радикальной поляризации характера и оценок возможных актуализаций русской потенциальности, связанных с природой Правды или, наоборот, ложной правды, неправды или антиправды, определяющих, как верилось, всякий раз идентичность своих носителей, стремящихся к воплощению их в жизнь. В симптоматичном для рассматриваемого вопроса подходе Владимира Кантора конкретизация таким образом понимаемых последствий бинарной онтологизации Правды и Неправды становится дихотомическое различие «истинных» и «неистинных» «русских европейцев»¹⁷, а у Юрия Афанасьева и Лилии Шевцовой – различие истинной интеллигенции и экспертов-пропагандистов, обслуживающих власть или пользующихся властью¹⁸.

В рассматриваемом мной интенционально радикально западническом способе интеллигентской рефлексии над Россией фундаментальной исходной точкой сравнения, являющейся в то же время основой мыслительной

¹⁶ Цит. по: А. Kurkiewicz, *Dialektyka prawdy w rosyjskim imperium*, [в:] *Fenomen rosyjskiego komunizmu. Geneza, konteksty, konsekwencje*, ред. В. Brzeziński, Poznań 2010, с. 172.

¹⁷ Ср.: В. Кантор, *Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)*, Москва 2001, с. 3–6.

¹⁸ Ср.: там же, с. 15.

схемы, которая должна объяснить русскую действительность, остается противопоставляемая ей Европа, европейские ценности, институты и «колея» развития. Доводы, истины, традиции и основы общественного порядка России не являются, однако, в глазах этой интеллигенции соответствующими доводам, истинам, традициям и основам общественного порядка Европы, а в то же время, на что указывал еще Александр Герцен, русская интеллигенция, представители которой были связаны с правительством, цивилизовавшим страну, была оторвана от народа и одновременно отделена от власти – именно потому, что сама цивилизовалась¹⁹. С точки зрения определенным образом воспринимаемых и считающихся обязательными западных ценностей, отечественная действительность, что периодически подвергалось драматической интенсификации, представлялась им бессмысленной:

Так жить невозможно: тягость и нелепость настоящего очевидны, невыносимы – где же выход?²⁰

Усилению драматизма подобных чувств, стимулируя и обосновывая их в то же время, способствует у представителей рассматриваемого течения абсолютизированный бинаризм создаваемых ими теоретических конструкций, объясняющих Россию, крайне противопоставленную Европе. У Афанасьева, если привести симптоматичный пример, этому служат дихотомические оппозиции характеристик, связанных соответственно с Европой и Россией: развитие – «бег на месте», свобода – рабство, закон – биологические инстинкты, гражданственность – толпа, диалог – монолог, переговоры – диктат, «срединная культура» – манихейство, параллельные связи в сообществе – вертикаль власти, способность к рефлексии – миф, обращение к будущему – попытки реституции прошлого и т.п.²¹. Радикальная дихотомичность формулируемых ими воззрений и концептуализации мира с точки зрения внешнего наблюдателя представляется фактически заранее исключающей рационально рассматриваемую возможность желанных изменений, а более непосредственно – возможность рационального обоснования ее реальности (указания эффективных методов и средств ее действительного осуществления и т.п.) в рамках предлагаемого ими способа понимания русской действительности.

Однако проблема не сводится исключительно к интеллектуальному выбору, ибо в управляемой собственными законами ментальной и социальной действительности России действия, мотивируемые «европейскими» ценностями, идеями и нормами, уже не раз оказывались лишенными

¹⁹ Ср.: А. Герцен, *Pisma filozoficzne, Rosja i stary świat*, Warszawa 1966, т. 2, с. 37.

²⁰ А. Герцен, *Rzeczy minione i rozmyślenia*, Warszawa 1952, т. 2, с. 272.

²¹ Ср.: J. Афанасьев, *Kamienna Rosja, martwy lud. Osobna droga Rosji – historyczny bieg w miejscu*, «Gazeta Wyborcza» от 24–25.01.2009, с. 25–26 и др.

действенности, а действия власти, в том числе демократически и окциденталистски стилизованные, фактически служили не столько субъективации и европеизации общества, сколько прежде всего сохранению монополии на субъектность ее самой. Социально-политико-экономическая репродукция системы России происходит по-прежнему своим, в значительной степени отличным от западного, историческим путем, воспроизводя в особенности представленное выше положение интеллигенции. Связываясь с властью и системой интересов, рассматриваемая инструментально властными элитами, стремящимися к фактической «приватизации» государственных институтов²², она, как представляется, утрачивает собственную субъектность и отказывается от «европейских» («общечеловеческих»?) ценностей. А оставаясь им верной, лишается способности политического и общественного влияния. Более того, как показывает уже имеющийся исторический опыт, предпринимаемые ею попытки получить власть и совершить коренные перемены, зачастую скорее ведут к карикатуризации прежнего состояния, чем к его положительному, существенному изменению. Вследствие вышеизложенного, в России по-прежнему не меняется интеллектуально-социальное положение интеллигенции, из которого неизвестно как выйти.

В той степени, в которой субъектность власти предполагает десубъективацию общества, совершенно естественным образом нет социальной силы, готовой и способной произвести модернизационный, гражданский и демократический перелом. С прогрессирующим распадом сакрализованных идеологических формул все более явно партикуляризованный или даже «приватизированный» аппарат власти в этом не заинтересован. «Приватизированное» общество (население), нацеленное прежде всего на личное выживание и, возможно, собственный жизненный успех некоторых его членов, тоже не имеет возможности, а фактически также потребности, действительно воспринимаемой как фундаментальная и мотивирующая, его совершения²³.

В моменты, когда слабеет ранее парадоксально укреплявшаяся односторонним, абсолютизированным и фатализируемым восприятием процессов динамики «антиразвития», распада, заката и упадка России вера в реальность желанной «инверсии» (возникающей, напомним, именно в период крайнего усиления негативов и слабости), с концом России, по крайней мере в ее прежней, постоянно самовоспроизводящейся форме, связывается (более того, по принципу взаимозависимости) конец русской интеллигенции. Как констатирует Юрий Афанасьев, в то время, когда Россия движется по пути «от плохого к худшему», русские интеллигенты, кроме немногочисленных исключений, стоят на стороне власти, вследствие чего

²² Ср.: А. Lipatow, *Rosja dzisiejsza między przeszłością a terażniejszością*, Toruń 2007, с. 25.

²³ Ср.: Ю. Афанасьев, А. Давыдов, А. Пилипенко, *Вперед, нельзя назад* (текст в собственности автора), с. 14.

наше население остается населением, а не народом, который остался и остается народом-массой, толпой, достойной сочувствия и сожаления, порой даже страшной и отвратительной²⁴.

В существующем положении он, впрочем, не видит ничего нового:

Колесо русской истории всегда вращалось, а система воспроизводилась исключительно благодаря русской элите и ее культуре. Благодаря элите, которая в конце концов всегда становилась на сторону власти²⁵.

Вследствие вышеизложенного: «Россия как тип цивилизации умирает. Вопрос только, когда это произойдет»²⁶.

Подобным образом диагностирует-прогнозирует Лилия Шевцова: ударом, последствия которого в будущем почувствует Россия, является «конец русской интеллигенции»²⁷.

Когда «интеллектуалы стали пропагандистами, экспертами, обслуживающими власть», политический режим «генетически неспособен к модернизации» и лишь разросшийся «аппарат, обслуживающий гниющего монстра, пытается поддержать угасающую жизнь», неизбежная «катастрофа все ближе», а спорить можно «лишь о том, когда она наступит»²⁸.

Подобному драматичному восприятию, концептуализации и проблематизации русской действительности частью интеллигенции, понимающей себя, не всегда, вероятно, вполне осознанно, в категориях «души России», а также сопровождающей ее тенденции к воспроизведению иллюзии реальности уже якобы близкого, окончательного и освободительного преобразования или, наоборот, к появляющейся в минуты сомнений фатализирующей онтологизации якобы неизбежно приближающегося конца русской политической системы и цивилизационного типа, а может быть, и конца русской истории вообще, способствует, повторим, целая группа свойств, веками типичных для русской ментально-культурной системы. Осознание указанной взаимозависимости помогает лучше увидеть и понять источники переживаемых ограничений, стремлений, искушений, заблуждений и вызовов, связанных с рассматриваемым способом понимания России, мира и самих себя, служа в особенности более самосознательной рефлексии над пространством трудной русско-интеллигентской надежды – демифологизируя, верифицируя, релятивизируя, размышляя, проблематизируя, а возможно, в то же время хотя бы немного и реализуя ее.

²⁴ Ср.: J. Afanasjew, *Kamienna Rosja...*, с. 13.

²⁵ J. Afanasjew, *Syreny Rosji*, «Gazeta Wyborcza» от 23–24.02.2008, с. 24.

²⁶ J. Afanasjew, *But na samowarze*, «Forum» 2009, № 33, с. 8.

²⁷ Ср.: L. Szewcowa, *Creme de la Kreml*, «Forum» 2011, № 40, с. 19.

²⁸ Ср.: там же, с. 20–21.

Marian Broda

**Intelligentsia as the ‘Russian Soul’:
Paradoxes and Problems of the Russian Occidentalism**

(Summary)

The concept of ‘soul’ has for ages been a widespread and central category in the Russian national tradition, one through which the Russians seek to express their way of feeling and of comprehending their own community, territory, sense of existence, place and mission in the world. Thus, Russia is often treated as the ‘soul of the world,’ whereas her central power – actual (real) or potential (expected) – as the ‘soul of Russia.’ One of the consequences of the transformation over the last few centuries, symbolised by the name of Peter I, has been the emergence and rise of the Russian intelligentsia, perceived there, and perceiving itself, as at once an intellectual, cultural, ethical, social, political, ideological, historiosophical, and even *quasi*-sacral formation. In many ideas of the representatives of the Russian educated class the motif of ‘Russia’s soul,’ capable of reviving, revitalising and of transforming the existing reality, is associated namely with the intelligentsia. It is possible to find in them – even in those programmatically antisystemic and radically occidental – a whole array of features, structures and content typical of the Russian mental-cultural system, together with ways of perceiving, conceptualizing and problematizing the world – such that is, paradoxically, shared with the ideologies and supporters of the existing social order.

Keywords: Russia, soul, intelligentsia, Occidentalism, paradox.